

И. Л. Маяк

POPULUS, CIVES, PLEBS НАЧАЛА РЕСПУБЛИКИ

Важнейшим социально-политическим элементом античного общества был полис. Уже античные авторы подметили сходство между греческим полисом и римской *civitas*. Это видно, в частности, по обычному переводу латинского слова *civitas* греческим *πόλις*, особенно частому у Дионисия Галикарнасского. Это же дало основание исследователям говорить о принципиальной близости, если не об идентичности названных понятий¹.

Из существующих дефиниций античного полиса более точной представляется его определение как гражданской общины с античной формой собственности, впервые четко сформулированное в нашей историографии О. В. Кудрявцевым² и развитие С. Л. Утченко³, а затем Г. А. Кошеленко⁴. Такое понимание сущности полиса, впрочем, не противоречит тому, что формой полиса, как правило, был город-государство, т. е. государство, территория которого включала в себя городской центр (или центры) с прилегающей сельской округой, деревнями и разного рода угодьями. Здесь же еще раз⁵ подчеркнем принципиальную разницу между городом-государством в античности и на древнем Востоке: и тут и там в той или иной пропорции существовали коллективная и частная собственность на землю, в обоих случаях наличествовало гражданство, но лишь в античных условиях существовал такой вид коллективной земельной собственности, как *ager publicus*, принадлежавший всем гражданам.

Для античного человека слова *πόλις*, *civitas* ассоциировались прежде всего с общинным характером коллектива или поселения, поэтому греческие и римские авторы обозначали этими терминами и классические Афины, и республиканский Рим, и Рим начала царской эпохи. Но, как известно, уже античных авторов занимала проблема полиса, что дало основание современным ученым видеть в классическом полисе, или *civitas* общину государственного характера, или, говоря словами К. Марк-

¹ *Kaser M. Römische Rechtsgeschichte. Göttingen, 1950. S. 26; Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского государства во втором веке нашей эры. М., 1954. С. 6—7; Маяк И. Л. Рим первых царей. М., 1983. С. 25; Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977. С. 26—27; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 20; Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Л., 1979. С. 8—9.*

² *Кудрявцев. Ук. соч. С. 6—7.*

³ *Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 3—14; он же. Политические учения... С. 18—41.*

⁴ *Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 14; он же. Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 9—31, 36.*

⁵ *См. Маяк. Ук. соч. С. 28.*

са, общину как государство⁶. В современном словоупотреблении только община на государственной стадии ее развития может именоваться гражданской общиной. В самом деле, можно быть членом любой общины, в том числе и гентильной, но гражданин является принадлежностью лишь государства. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что гражданская община в ходе своего развития превращалась в Риме в государство⁷. Вместе с тем правомерным можно считать вопрос о хронологическом соотношении появления государства и полиса. Если эти процессы в Греции во времени в общем совпадали⁸, то в Риме дело обстояло иначе — государство появляется раньше.

Полис, судя по данным Аристотеля (см. особенно Pol. I. 2; 10.11.2.1; 4.11.1.1; 2; 4; 12.2; 4.1; 6.13) и Фукидида (VII. 77.7), — сложное явление. С их дефинициями перекликается определение *civitas* у Цицерона, особенно в трактатах «О государстве» (I.25.39 — 41; 26. 41 sqq.), «О законах» (II.2.5) и «Об обязанностях» (I.17.53 и 57; II.22.73 и 78), не потому только, разумеется, что он хорошо знал труды ученых греков, но и в силу сходства названных категорий. Несомненно, отмеченные Цицероном черты *civitas* характеризовали ее в раннюю пору и пору расцвета. В период Империи термин *civitas*, подобно другим, приобрел новые значения, его классическое содержание потребовало объяснений. Этим целям служили позднеантичные этимологические сборники и антикварные изыскания древних эрудитов. Специальное рассмотрение понятия *civitas* можно найти в сочинении Авла Геллия (18.7.5): «*civitas* говорится и о месте, и о городе, и также о праве всех, и о большом количестве людей». У Геллия здесь перечислены все важные признаки: *oppidum, ius, homines*. Вместе с тем он показывает многозначность интересующего нас термина. Обратимся к социально-правовому аспекту понятия *civitas*. *Civitas* понимается как гражданство, гражданские права⁹. С. Л. Утченко высказал мнение о том, что *status civitatis* предопределял деление граждан на полноправных и неполноправных¹⁰. На самом деле, дарование в раннее время общинам либо *civitas*, либо *civitas sine suffragio*, а также наличие колоний гражданских и латинских, как и утвердившееся в римской правовой литературе противопоставление римлян и латинян (Gai. I.2.6; 28; 31, *passim*), наконец, практика умаления правоспособности (Dig. IV.5.2; 5; 11) предполагают в термине *civitas* полноту гражданских прав. Потеря *civitatis* влечет за собой лишение воды и огня, т. е. изгнание (Dig. IV.5.5).

Слово *civitas* встречается в нарративных источниках, но отсутствует в раннем юридическом памятнике — Законах XII таблиц. Однако уже там впервые упоминаются *cives* (I.4; V.8; IX.1.2; 5). Таким образом, понятие *civis* появляется раньше, чем понятие *civitas*.

Сравнительно позднее появление в римском лексиконе слова *civis* не случайно. Оно соответствовало той стадии развития Рима, когда его население стало осознавать себя принадлежащим качественно новому коллективу. Это качество обуславливалось существованием государства.

⁶ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 465—467.

⁷ Утченко. Политические учения... С. 36.

⁸ Кошеленко. Греческий полис... С. 15.

⁹ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd III, 1. Lpz, 1887. S. 6. См. также Боголепов А. Учебник истории римского права. М., 1895. С. 148—150; Машкин Н. А. Из истории римского гражданства // Известия АН СССР. Серия ист. и филос. 1945. № 5. С. 359—372.

¹⁰ Утченко. Кризис и падение... С. 111.

В современной науке переход в Риме к классовому обществу и государству связывается с правлением Сервия Туллия. Сообщения древних авторов о деятельности этого царя сейчас подтверждены археологическими данными, причем достоверными признают даже сведения об учреждении им ценза в денежном выражении¹¹. Можно полагать, что к середине VI в. до н.э. в Риме были созданы условия для появления понятия гражданства. Созданные Сервием Туллием центуриатные комиции объединили и древнейших римлян и более новых поселенцев, с ними можно связывать появление термина *cives*, который, вероятно, охватывал тех и других. К началу Республики относится закон о провокации 509 г. до н.э., проведенный Валерием Публиколой, гарантировавший каждому гражданину (*civis*) возможность обратиться к центуриатным комициям за помощью, если ему грозила смертная казнь (*Val. Max. IV.1*). Законы XII таблиц относились ко всем без различия *cives*, и только раз там специально был оговорен запрет на браки между плебеями и *patres* (XI.1). Из приведенных данных вытекает, что *civitas* и *cives* в раннем Риме не были полностью взаимозаменяемыми понятиями: *civitas* предполагала полноправие, *cives* же могли быть и полноправными и ограниченными в правах.

Но как же называли себя римляне до того, как стали *cives*? Аутентичные тексты царской эпохи утрачены. Однако сохранились их фрагменты в поздних записях, на что обратил внимание еще Моммзен¹². Так, до нас дошли протоколы коллегии Арвальских братьев¹³, написанные в императорскую эпоху, но фиксирующие древнейшие формулы. Ведь Арвалы были связаны в преданиях своим происхождением с таким легендарным персонажем, как Акка Ларенция; их коллегия была образована как братство, в нее был включен Ромул. О древности Арвальских братьев свидетельствует упоминание ими архаической богини *Dea Dia*, чье имя является даже не столько именем собственным, сколько знаком божественности. Их древность удостоверяется также ритуалом внесения в храм и вынесения из храма железного инструмента, с помощью которого жрецы писали свои протоколы. Специальное упоминание о железе как материале для изготовления стила говорит о его ценности и позволяет отнести происхождение коллегии к раннему времени. В актах Арвальских братьев содержится формула *Populus Romanus Quirites*, которую приводит Авл Геллий (I.12.14) как входящую в молитву древней коллегии весталок. П. Каталано посвятил этой формуле специальное исследование. Еще Моммзен¹⁴ доказал, что выражения *Populus Romanus Quiritium* и *Populus* являются более поздними, чем приведенное выше, хотя тоже очень древними, поскольку они фигурируют в сакральных текстах фециалов (*Liv. I. 32.11; 13*). Античная традиция позволяет связать возникновение названных формул с примирением римлян Ромула с сабинами Тита Тация и объединением их в один народ в рамках общего поселения, т. е. с первым римским синойкизмом, который датируется серединой VIII в. до н.э.

Слово *Quirites* древние авторы производят то ли от сабинского *quiris*¹⁵ (копье), то ли от названия сабинского города *Cures* (см. *Liv. I.13.5*). В научной литературе было высказано мнение, что квиритов надо пони-

¹¹ *Peruzzi E. Money in Early Rome. Firenze, 1985. P. 229—245.*

¹² *Mommsen. Op. cit. III, 1. S. 6.*

¹³ *Acta fratrum Arvalium quae supersunt. Berolini, 1874.*

¹⁴ *Моммзен. История Рима. М., 1936. С. 68—69.*

¹⁵ Там же.

мать не как куретов, жителей Курес, а как куритов, т. е. членов куриЙ¹⁶ — общинных организмов, функционировавших в начале царского периода.

Термин *populus* понимается в науке по-разному — и как народ и как государство. П. Каталано рассматривает значение этого слова в развитии¹⁷. Оно обозначало коллектив, народное собрание, эволюция которого обуславливалась развитием производственных отношений в римском обществе. Ключ к разгадке его первоначального значения следует искать в древнейшем памятнике языка царского Рима — в сохранных Фестом осколках песни салиев (р. 224.4). Учреждение коллегии салиев приписывалось античными авторами Нуме Помпилию и свидетельствует о ее глубокой древности. Сохранившиеся фрагменты песни Салиев выглядят по языку очень архаическими. Словосочетание *Pilumne poploe* объясняется антиковедами либо как народ, множество, связанное с гентильной структурой общества¹⁸, либо как вооруженные копьями воины¹⁹, либо как *pilleatus populus* — народ, люди, которые, носят головной убор, подобающий свободным, т. е. римляне²⁰.

Приведенные свидетельства источников позволяют считать, что древнейшие римляне называли свою общность *populus*. Но как же соотносились между собой термины *populus* и *cives*, совпадали ли они по содержанию или сосуществовали, обозначая разную социальную реальность? Этими вопросами задавались уже в древности. В «Институциях» Гая, знаменитом учебнике римского права, написанном во II в. н. э., фиксируются устоявшиеся к тому времени понятия. Там говорится: «Плебс отличается от народа (*populus*) тем, что названием *populus* обозначаются все граждане (*cives*), считая также патрициев (*patricii*), названием же плебеев — прочие граждане без патрициев» (Gai. I.3). Это же определение дано потом в «Институциях» Юстиниана (I.2.4), а в несколько измененном виде — и в Дигестах (50.16. 238 пр.).

Авл Геллий, образованный компилятор, тоже живший во II в. н. э., ссылаясь на своего предшественника Капитона, пишет, что плебс отличается от народа (*populus*), «потому что в народ входит всякая часть (*omnis pars*) гражданства (*civitas*) и все входящие в него сословия (*ordines*), плебсом же называется та часть, в которую патрицианские роды (*gentes civium patriciae*) не входят» (Gell. X.20.5). У Феста, также писавшего во II в., в плохо сохранившихся строках (*Populi comm...* р. 264, 17) говорилось, что народ (*populus*) состоит «из отцов (*patres*) и плебса» (стк. 19).

Из цитированных текстов явствует, что *populus*, *civitas* и *cives* — более широкие понятия, чем *patricii*, *patres* и плебс, являющиеся составными частями (*partes*) народа (*populus*) или гражданства (*civitas*). Это соответствовало действительности для II в. н. э. Но таково ли было положение дел в раннереспубликанскую эпоху?

С появлением «Римской истории» Г. Б. Нибура в новоевропейскую историографию²¹ вошло положение о том, что первоначальный римский народ (*populus*) состоял из патрициев. В последнее время его точка зрения подверглась сомнению. Ж.-Кл. Ришар высказался в пользу того,

¹⁶ Palmer R. E. A. The Archaic Community of the Romans. Camb., 1970.

¹⁷ Catalano P. *Populus romanus quirites*. Torino, 1974. P. 155—159.

¹⁸ Ibid. P. 115—117.

¹⁹ Моммзен. Ук. соч. С. 68.

²⁰ Peruzzi E. *Aspetti culturali del Lazio primitivo*. Firenze, 1978. P. 73.

²¹ Niebuhr G. B. *Römische Geschichte*. I. B., 1811; Ferenzy E. *From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State*. Budapest, 1976.

что древнейший *populus* был однородным, а к V в. до н. э. в результате социальной дифференциации распался на патрициат и плебс²². Мнение Нибура представляется все же более верным. Однако обращает на себя внимание тот факт, что слово «патриции» у античных авторов, писавших об архаическом Риме, употребляется с разной степенью частотности. Там, где Дионисий Галикарнасский применяет слово *πατρίκιοι*, у Ливия — в соответствующих местах — мы находим термин *patres*. Вообще «патриции» на страницах «Истории Рима от основания Города» встречаются крайне редко: 306 Фабиев — все *patricii* (Liv. II.49.4); друзья и клиенты патрициев (*patriciorum* — III.16.5); в 351 г. до н.э. междуцари провели в консулы двух *patricii* (VII.22.2); матроны устранили от жертвоприношений дочь Авла Вергинию, *patriciam* (X.23.4). Только в восьмой главе X книги Ливий употребляет это слово несколько раз (§ 1, 3, 6, 10). В остальных же немногих случаях у Ливия фигурирует прилагательное «патрицианский», что, впрочем, свойственно и другим античным авторам (Flor. I.11.12; 12.2; Fest. p. 270; 422; Paul.—Fest. p. 137).

Если углубиться в начало царской эпохи, то Ливий чаще всего называет римлян того времени народом (*populus*). Именно народ (I.21.1; 35.6) участвует в управлении синойкизирующей на территории Рима общиной²³. У Ливия порой слова *comitia* и *contio* заменяются словом *populus* (I.17.8; 35.1; 47.10). Так же поступает и Дионисий, пользуясь, правда, неточным — в духе своего времени — термином *δημοκρατία* (II.14). В традиции исконные римляне осознаются как единое целое, противопоставленное новым поселенцам, т. е. латинам, насильственно переведенным Анком Марцием в Рим (Liv. I.33.2). То же самое выявляется из переданного Ливием (I.32.6; 10—11; 13) текста, принадлежащего коллегии фециалов. Там в канонической формуле объявления войны фигурирует *populus Romanus*. По справедливому, как представляется, мнению Нибура, депортированные Анком Марцием латины образовали первоначальное ядро плебса. Действительно, в традиции содержатся убедительные данные о том, что эти латины получили в Риме особое место для поселения, не были включены в гентильную организацию римлян, состоящую из трех триб и тридцати курий, особым образом наделались землей (Dionys. X.32.2). Все это свидетельствует о том, что масса новых римлян в состав *populus* не вошла. Этим они отличались от более ранних переселенцев из Камерии и Вей при Ромуле (Dionys. II.50; 57.77), из Альбы Лонги — при Тулле Гостилии и даже из Политория — при Анке Марции (Dionys. III.29; 37.4). И. Хан полагает, что уже при Ромуле существовали не включенные в курии, т. е. плебейские, элементы в Риме, в первую очередь из числа нахлынувших в растущий город торговцев и ремесленников²⁴. Однако оснований для такого утверждения источники все-таки не дают. Ведь кроме немногих прямых заявлений Дионисия о том, что новое население входило в курии и трибы при первых царях, т. е. до Анка Марция, об этом свидетельствует также положение Рима в Лации, когда включение соседей в ряды римлян только усиливало этих последних²⁵.

Указанием на изменение такого положения дел именно в правление четвертого царя может служить рассказ Дионисия (III.48.2) о том, как

²² Richard J.-Cl. Les origines de la plèbe romaine. Rome, 1979. P. 130—132.

²³ Маяк. Ук. соч. С. 157, 159 сл. Подробнее см. Фомичева Н. Г. Социальное развитие Рима в VII в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

²⁴ Хан И. Плебей и родовое общество. Будапешт, 1975. С. 20 сл.

²⁵ Маяк. Ук. соч. С. 212 сл.

милостиво был принят Анком Марцием эмигрант из этрусского города Тарквиний, Лукумон, принявший потом имя Луций Тарквиний и вошедший в историю как Тарквиний Древний (Приск). Дионисий сообщает, что царь включил понравившегося ему Лукумона вместе с пришедшими с ним этрусками в фиду и фратрию, т. е. в трибу и курию, после чего тот получил в городе место для постройки дома, а также участок земли по жребию (*γῆς λαμβάνει κλήρον*). Включение этрусских иммигрантов в трибу и курию звучит в устах Дионисия как основная привилегия, как доказательство благорасположения к ним Анка Марция. Все эти сведения важно учесть — ведь они показывают, что латинские переселенцы в Рим, давшие начало плебсу, в *populus* в то время не вошли. Вместе с тем эти данные традиции указывают на истоки противостояния двух социальных групп в Риме середины VII в. до н.э.

Для эпохи Ранней республики тоже есть данные о невключении плебса в состав *populus*. Разумеется, материал такого рода (как вообще сведения по истории этой эпохи в античной традиции) приходится собирать по крупицам, преодолевая привычное гиперкритическое отношение к ней. Ведь к большому доверию к сообщениям античных авторов побуждают нас и находка сатриканской надписи с именем Публия Валерия²⁶, и источниковедческие наблюдения современных ученых²⁷. Обратимся в связи с затронутым вопросом к авторитету Цицерона. Во Второй речи об аграрном законе он напоминает о том, что предки (*maiores*) повелели, чтобы о каждом виде магистратов римляне выносили свое решение два раза. Поясняет это Цицерон так: «Ведь когда о цензорах издавался центуриатский закон, а о прочих патрицианских магистратах — куриатский, то об одних и тех же лицах выносили решение дважды, дабы народ (*populus*) мог взять свое решение обратно, если он раскается в милости, какую оказал» (*De lege agr.* II.11.26 — пер. В. Горенштейна). Это сообщение можно понимать как формальное утверждение избранных в центуриатных комициях магистратов — куриатными. Поскольку в цитированном отрывке упоминаются цензоры, в нем зафиксировано положение по крайней мере середины V в. до н.э., а ввиду того, что в нем говорится только о центуриатных и куриатных комициях, верхняя граница не может быть опущена ниже 287 г. до н.э. (когда появились трибутные комиции). Значит, этот текст действительно говорит о Ранней республике.

В центуриатных комициях с самого начала, по общему признанию, принимали участие и патриции и плебеи. Что касается куриатных, то мнения на этот счет среди ученых различны. В Нибуровой концепции древнейшего Рима куриатная организация носила исключительно патрицианский характер. Однако Моммзен²⁸, исходя из представления о том, что плебс ведет начало от древнейшей клиентелы, полагал, что еще в раннюю эпоху плебеи участвовали в куриатных собраниях. О времени допуска плебев в курии, а тем самым и в основанные на куриях комиции, мнения тоже различны. Г. Генц называл начало эпохи Республики²⁹, Де Мартино³⁰ — период правления этрусских царей; Ж.-Кл. Ришар

²⁶ *Pallottino M.* Lo sviluppo socio-istituzionale di Roma arcaica alla luce di nuovi documenti epigrafici // *SR.* 1979. № 1. P. 12—14.

²⁷ *Serrao F.* Lotte per la terra e per la casa a Roma dal 485 al 441 a. C. // *Legge e società nella repubblica romana.* Napoli, 1981. P. 51—54, 102.

²⁸ *Моммзен.* Ук. соч. С. 87, 241; *Mommsen.* Op. cit. III, 1. S. 92 ff.; II, 1. S. 27.

²⁹ *Genz H.* Das patrizische Rom. B., 1878. S. 40.

³⁰ *De Martino F.* Storia della Costituzione romana. V. I. Napoli, 1958. P. 123 sg., 130 sg.

полагает, что сословные различия явились результатом длительного развития римского общества, из чего, видимо, следует вывод об участии плебеев в куриатных собраниях в царскую эпоху³¹. Однако другие исследователи придерживаются мнения о недоступности куриатных комиций плебеям, по крайней мере в раннее время³².

В источниках содержится мало сведений о деятельности курий в начале Республики, но еще меньше данных, говорящих в пользу участия плебеев в куриатных собраниях. Это, собственно,— сообщение Дионисия (VI.89.1) о том, что в этих комициях были выбраны первые плебейские трибуны. То же повторено Асконием в комментарии к не дошедшей до нас речи Цицерона в защиту Корнелия. Но текст Дионисия вовсе не ориентирует читателя на однозначное заключение. Прежде всего в нем говорится, что тогда был разделен «на фратрии, которые некоторые называют куриями», *δῆμος*. Слово это Дионисий употребляет в разных значениях. Напомним, что греки подразумевали под ним народ³³. Таким образом, *δῆμος* здесь скорее соответствует слову *populus*, чем слову *plebs*. Вероятно, Дионисий ошибся: по-видимому, выбранные (как это стало потом правилом) на плебейских сходках трибуны были затем утверждены куриатными собраниями. В любом случае здесь можно видеть осуществление «двойного фильтра», т. е. вынесение решения об избрании дважды, о какой практике и вспомнил в речи об аграрном законе Цицерон. Заметим также, что в той же речи оратор заявлял о том, что «никто не может получить власть без повеления народа (*populus*) или плебса». Это показывает, что понятия «народ» и «плебс» не идентичны. Далее оратор, обращаясь к плебсу, напомнил о том, что плебеи в куриатных комициях не участвуют (*De lege agr. II.11.27*). Таким образом, сведения, сообщенные Цицероном, позволяют сказать, что в его времена помнили о прежней разнице между *populus* и *plebs* и о том, что лица плебейского происхождения по-прежнему стояли вне курий. Ведь нельзя думать, что отстраненность плебеев от куриатных собраний возникла в эпоху Поздней республики, когда их уже признали квиритами, т. е. включили в состав *populus*. Вероятно, такое положение сложилось в раннюю эпоху. Это не противоречит учтенному Т. Моммзенем³⁴ сообщению Ливия (XXVII.8) об избрании первого плебея на пост великого куриона около 300 г. до н. э., т. е. в сравнительно поздний период. Не случайно Моммзен, отмечая избрание первых трибунов в куриатных собраниях, считал, что плебеи в них тогда не голосовали. Думается, что свидетельства источников подкрепляют этот вывод.

Вторая речь Цицерона об аграрном законе содержит еще одно важное сведение. Из нее следует, что куриатский закон был законом народа (*populus*), который мог его утвердить или не утвердить. Касался этот закон патрицианских магистратов. В голосовании участвовали, как сказано выше, не плебеи, которые в лучшем случае лишь присутствовали при утверждении трибунов, выбранных ими на сходках или при их участии в центуриатных собраниях. Это, думается, служит подтверждением тезиса о том, что идентичность *populus* и патрицианского населения сохранялась и в начале Республики.

³¹ *Richard. Op. cit. P. 227 suiv.*

³² *Хан. Ук. соч. С. 23; Сидорович О. В. Структура римского патрициата Ранней республики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 14—15.*

³³ *Mommsen. Op. cit. III, 1. S. 4.*

³⁴ *Ibid. II, 1. S. 27. Anm. 4; III, 1. S. 92 ff.*

Для более глубокого уяснения вопроса о соотношении народа, патрициев и плебеев следует проанализировать термины, обозначающие собрания римского *populus* и его частей.

Еще Моммзенom было установлено, что Цицерон и Ливий часто употребляют термины *concilium* и *comitia* как синонимы³⁵. Заметим, однако, что в трактате «О государстве» (II.31.53; 38.61) народные сходки и центуриатные комиции Цицероном различаются. В другом трактате, принадлежащем перу Варрона, «О латинском языке» (VI.43) термин *concilium* сближается с *contio* на основе общности их происхождения от *cogitare*. Разбирает Варрон и слово *comitia* (L.I. VI.93). Объясняя его, он говорит, что *contio* состоит *ex hominibus*, в то время как в *comitia* созывается народ (*populus*). Авл Геллий (XV.27.4) вносит уточнение в такое понимание содержания терминов: участие в собрании всего народа (*universus populus*) создает *comitia*, а его части (*pars*) — *concilium*. В другом отрывке текста у того же автора (Gell. XVIII.7.2; 6; 7) *contio* определяется как стечение народа (*concursum populi*) и как сходка народа (*coetus populi*). Поздний писатель, эпитоматор Феста, Павел Диакон (*concilium* — Paul. — Fest. p. 33, 26) уже без всяких оговорок соотносит *concilium* и *populus*. Это отражает, очевидно, такое положение дел, когда в эпоху Поздней империи любые собрания потеряли всякое значение. Но из сообщений вышеназванных авторов все же вытекает вывод о том, что *comitia* и *contiones* были собраниями не всего народа. Как известно, в эпоху Поздней республики на них происходило предварительное обсуждение вопросов, но решения по ним не выносились³⁶.

Необходимо также уточнить еще терминологию, обозначавшую постановления, принимавшиеся разными видами собраний. Для этого мы располагаем многими материалами, в частности юридическими памятниками. Повышение роли центральной власти в императорскую эпоху, использование правоведами привычной терминологии, а также юридических казусов в качестве примеров заставляли римских ученых углубляться в смысл слов, издревле служивших наименованием решений и постановлений в Риме.

Запрос или предложение магистрата народу (*populus*) назывались рогациями. Их часто упоминает Ливий в связи с борьбой плебеев за землю. Принятое в комициях по таким предложениям постановление считалось *lex*, законом (Gai. I.3; Fest. Rogatio, p. 326, 17; Paul. — Fest. Rogatio, p. 327, 3). И Варрон (L.I. VI.66) и Цицерон (De leg. I.6.19; II.5.11) сближают *lex* с *legere*, что указывает на возможность выбора между внесенными предложениями. Выбор этот осуществляется народом, *lex* всегда связан с *populus*³⁷ в любом значении этого слова. Закон — это *generale iussum*, главное решение народа (Gell. X.20.2; 4) или плебса, как об этом упоминает автор «Аттических ночей». В свое время Моммзен отметил, что важнейшие решения плебса в ливианской традиции именовались *leges*, чем можно объяснить последнее замечание Авла Геллия. Принятый закон, как явствует из источников, может быть назван и описательно, словами — *populus scivit* (Paul. — Fest. p. 327, 3—4) или *iubet, constituit* (Gai. I.3).

Производное от глагола *sciscere* (голосовать, постановлять) входит в состав термина *plebiscita*, постоянно встречающегося в рассказах а-

³⁵ Ibid. III, 1. S. 150. Anm. 1.

³⁶ Трухина Н. Н. Политика и политики «Золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 28.

³⁷ Varro. L. I. VI. 29; 66; Gell. X. 20. 2; Gai. I. 3; Fest. 326, 17; Paul. — Fest. 327, 3.

тичных писателей о внутренней борьбе в Римской республике. Объяснению значения *sciscere* как технического термина не раз уделяли внимание и юристы и римские ученые. Фест (р. 184, 10), поясняя выражение *quibus scivit*, сообщает, что так называлась центурия, в которой полагалось голосовать тому, кто не проголосовал в своей, та центурия, которую учредил Сервий Туллий, чтобы ни один гражданин не лишился права голоса, «ведь *sciscito* означает — пусть высказывает мнение, а также — пусть голосует».

У Цицерона имеются такие словосочетания, как *neque populi iussu, neque plebiscitu* (Ad Att. 4.2.3); *quae scisceret plebs aut quae populus iuberet* (pro Flacc. 15); *scita ac iussa nostra* (pro Balbo, 42). На основе этих выражений Моммзен пришел к заключению, что слово *sciscere* сначала имело общее значение, а потом превратилось в техническую формулу для обозначения постановления собраний³⁸. Заметим, что именно в сложившихся технических выражениях особенно отчетливо видна связь между *scita* и *плебсом*. Это соотношение ясно проступает в определениях *плебисцитов* у римских юристов и эрудитов. Так, Гай (I.3) говорит: «Плебисцит — это то, что решает и постановляет плебс». И далее: «Но потом был издан закон Гортензия, по которому было определено, что *плебисциты* обязательны для всего народа». В Дигестах (I.2.2.8 Rompr.) сказано, что *плебисцитами* были названы права (зачоны), которые установил для себя плебс, удалившись от *patres*, но впоследствии по закону Гортензия решено было рассматривать их в качестве законов (*pro legibus*).

У Авла Геллия (XV.27.4) со ссылкой на Лелия Феликса сообщается: «...то, что принималось по предложению *плебейских трибунов*, не считалось собственно законами, но *плебисцитами*... пока диктатор Кв. Гортензий не провел закона, по которому постановления *плебса* становились обязательными для всех *квиритов*». А значит и для тех, кто не был *плебеем*. Здесь следует обратить внимание на слово «*квириты*». Ведь оно входило в древнейшую формулу, обозначавшую римлян. В данном контексте оно ориентирует читателя на то, что до закона Гортензия под словом *populus* понимались те, кто не был *плебеем*, кто был *куритом*, т. е. членом *курий*. Вместе с тем в языке Авла Геллия слово «*квириты*», как и слово *populus*, обозначало всех римлян вместе с *плебсом*, что указывает на проблематичное включение *плебеев* в *курии* (не ранее начала III в. до н. э.).

Фест трижды упоминает о *плебисцитах*: 1) р. 372, 20: «*scita plebei* называются те (решения), которые принимает плебс своим голосованием без участия *patres* — по предложению *плебейского магистрата*»; 2) р. 264, 20 в плохо сохранившемся тексте: «...когда плебс без *patres* ... то, что плебс голосованием постановляет (*scivit*), называется *плебисцитом*...»; 3) р. 442, 32 sq.: «...*плебисцитом* называется то, что предлагает *трибун*...».

Обращает на себя внимание исключительная однородность сведений о *плебисцитах*, зафиксированная у античных писателей и в определениях правоведов. Таким образом, можно считать, что до закона Гортензия 287 г. до н. э.³⁹ *leges* и *plebiscita* различались тем, что действие первых распространялось на всех граждан, а вторых, говоря словами Авла Геллия

³⁸ Mommsen. Op. cit. III, 1. S. 150. Anm. 2.

³⁹ В источниках имеются сведения о том, что признание за *плебисцитами* силы закона произошло раньше, по *lex Valeria* — *Horatia* 449 г. до н. э. Но потому ли, что это не исполнялось, потому ли, что тогда на все полагалось одобрение сената, потребовался Гортензиев закон, освобождавший *плебисциты* от чьего бы то ни было утверждения, так что упоминание его не случайно. См. также Mannino V. Auctoritas patrum. Milano, 1979. P. 142.

(X.20.5), — на часть гражданства. Leges исходили от populus, а scita — от плебса.

Но scita принимались не только плебеями, но и другой частью граждан. Этому варианту scita посвящен еще один текст Феста (р. 442, 28 sqq.), дошедший до нас в плохой сохранности:

..... «Scitum populi
 <magistr>atus patricius
 <su>ffragis iussit
 us ex patribus et
 iam leges scrib-
 <ta-..... Plebisc>tum est, quod tribunus
 <ro>gavit, id est consu-
 <luit>..... plebes autem est
 praeter patricos».

Наиболее интересны верхние пять с половиной строк. Попробуем заполнить лакуны с помощью данных того же Феста, который создает в привычной для него манере как бы параллельные тексты, а также учитывая устоявшиеся римские юридические формулы, обозначающие принятые законы (leges scriptae) и сенатские постановления (senatus sententia, consultum).

Вариант 1-й:

..... «Scitum populi
 [est quod]..... <magistr>atus patricius
 [comitiis rogavit (id est) consuluit suis] suffragis iussit
 [Populi convent]us ex patribus et
 [tulit] iam leges scrib-
 ta[s. Populus (cives) sine plebe]

Перевод:

«Scitum populi [— это то решение, которое предлагает (т. е. вносит)] патрицианский [магистр]ат [в комициях и] проводит [своим (т. е. патрицианским)] голосованием. [Собрание populus состоит из patres, [и оно изданные законы принимает. (Ведь) populus — это граждане без плебса]].

Такое заполнение лакуны возможно. Во-первых, Фесту, а за ним и его эпитоматору Павлу Диакону свойственны определения без глагола-связки: Decures decuriones (р. 63, 8); Furum genitivus pluralis a fure (р. 81, 30); Incalanto invocanto (р. 101, 25); Obstipum, oblicum (р. 210, 11) и т. д. Во-вторых, поскольку весь пассаж заканчивается дефиницией плебса, можно думать, что в предшествующей фразе слово plebs фигурировало. В-третьих, логично предположить, что в тексте, посвященном scitum populi, завершающемся дефиницией плебса, должно было присутствовать и определение populus. В-четвертых, так как места для развернутой дефиниции, полностью параллельной последующей, в лакуне не хватает, позволительно допустить, что утраченный текст содержал иную формулировку. Образец ее можно найти в «Институциях» Юстиниана, удерживавших ранние нормы и формулы. В частности: «... названием же плебса обозначались прочие граждане (cives) без (sine) патрициев» (Just. Inst. I.2.4).

Вариант 2-й

..... «Scitum populi
 [est, quod comitiis] <magistr>atus patricius
 [rogavit (id est) consuluit et suis] suffragis iussit

.....[Magistratus elect]us ex patribus et
[senatui dicto magistrato tulit sentent]iam leges scrib-
ta[s. Populus (cives) sine plebe]

Перевод:

«Scitum populi [— это то решение, которое предлагает, т. е. вносит] патрицианский [магистр]ат в комициях и проводит [своим (т. е. патрицианским)] голосованием. [Магистрат, избран]ный из patres и [(тот, который), высказав мнение сенату,] предлагает законы. [(Ведь) народ — это (все) граждане, без плебса]».

Оба варианта, конечно, гипотетичны, хотя при реконструкции учтены другие тексты Феста (*scita plebei*, p. 372, 20; *populi comm.*....p. 264, 17 sqq.), а также словоупотребление Гая (I.3) и Помпония (Dig. I.2.2.8). Можно сделать следующие предположения. Прежде всего, в разбираемом тексте дело идет о решении народа (*populus*), проведенном с помощью патрицианского магистрата. Уже это обстоятельство не позволяет думать, что постановление принималось на плебейской сходке. Значит, *populus* здесь не идентичен плебсу. Упоминание именно патрицианского магистрата относит описываемое явление к эпохе Ранней республики: позднее патрицианская принадлежность должностных лиц не имела никакого значения ни при внесении предложений, ни при выборах (кроме выборов плебейских трибунов). «Свое», т. е. патрицианское, голосование не позволяет думать о центуриатных комициях, где голосование было патрицианско-плебейским.

В рассматриваемом (и восстанавливаемом) тексте Феста употреблено в косвенном падеже слово *patres*. Если бы речь шла о деятельности и решении именно сената, то следовало бы ожидать формулы *auctoritas patrum*, где слово *patres* всегда стоит в родительном падеже. Здесь же оно поставлено в аблативе и, можно думать, поясняет предшествующее слово или группу слов. Надежное заполнение лагун тут невозможно, поэтому здесь и предложены две версии: либо речь идет о том, что магистрат, действующий в собрании, выбран из числа *patres*, либо собрание народа, вносящее постановление, состоит из *patres*. Второй вариант более предпочтителен, но первый кажется более осторожным, а потому и предпочтительным. Наконец, о правомерности заполнения 33-й строки. Представляется вероятным, что в тексте содержалось определение *populus* либо в привычном для Феста, либо в раннем значении слова (как оно интерпретировалось еще Нибуром). На возможность такого объяснения указывает сам термин *scitum*, относившийся до *lex Hortensia* именно к части граждан, а не к *universi cives* (Gell. X.20, 1 и 5).

Какие же выводы можно сделать из предположительного заполнения лагун?

1. Какое из предложенных восстановлений мы бы ни предпочли, «патрицианский магистрат, выбранный из *patres*» или же «собрание *populus*, состоящее из *patres*» (участвующее в принятии *scitum populi* патрицианским голосованием), оно позволяет думать о совпадении *populus* и *patres*, но скорее об идентификации *populus* и патрициев.

2. Учитывая, что *scita* обозначали постановления, принимаемые частью граждан, можно полагать, что *scitum populi* были решениями только патрицианской части гражданства, т. е. принимались куриатными комициями.

3. Это, в свою очередь, подтверждало бы тезис о том, что первоначально плебеи в куриатных собраниях не голосовали и в *populus* не входили.

4. Ввиду того, что патрицианский магистрат (при втором варианте чтения) избирался не из *populus* или патрициев, а из *patres*, можно полагать, что *patres* — это не весь народ, даже не все патриции, а лишь их часть.

Остается еще одна важная проблема, пути решения которой попытается наметить.

Давно установлено, что слово *patres* еще с царской эпохи обозначало глав семейств и наряду с этим — сенаторов⁴⁰. При этом «отцы» представляли в сенате исконное ядро римлян, истинных представителей римского народа в отличие от позднее появившихся «конскриптов». Об этом можно судить по сообщениям Ливия (II.1.14) и особенно Феста (*Adlecti...* — p. 6, 22—25): «Ведь *patres* называются те сенаторы, которые принадлежат патрицианскому роду, конскрипты же — это те, кто внесен в список (сената)». В другом месте текст Феста (p. 304, 24) помогает нам уточнить представление об этих категориях сенаторов: «Кто как *patres*, кто как *conscripti* призываются в Курию? В те времена, когда из Города (Рима) были изгнаны цари, консул П. Валерий вследствие нехватки патрициев добавил из плебса в состав сенаторов 154 человека, чтобы этим пополнить число сенаторов до трехсот и таким образом обращаться к двум их видам». Приведенные здесь свидетельства источников подводят к заключению о том, что *patres*, по крайней мере в начале Республики, — это сенат, верхушка, происходившая из старых римских родов. *Patres* должны были восприниматься обществом и как верхушка патрициев. Рассмотрим теперь свидетельства античных писателей. В эпоху Ромула, согласно традиции, в Риме действовала гентильная организация с присущими ей органами управления — царем, народным собранием и советом старейшин. Цицерон (*De rep.* II.8.14) говорит, что этот совет был создан из лучших людей, которые были названы отцами (*patres*); далее сказано, что их сыновья стали именоваться патрициями (II.12.23). Той же версии традиции следует и Тит Ливий, идентифицировавший сенаторов и *patres*, которые либо сами были отцами, либо могли назвать своих отцов (т. е. были не безродными), чьи потомки (*progenies*) были названы патрициями. Веллей Патеркул (I.8.5) тоже производит патрициев от членов Ромулова совета, которые назывались «отцами». Так же и Плутарх в биографии Ромула (13) пишет, что царь назначил советниками сто лучших и назвал их патрициями, то ли потому, что они были отцами, то ли потому, что сами могли указать своих отцов.

Об удвоившемся в связи с римско-сабинским синойкизмом населении Рима и о соответствующем увеличении числа сенаторов Плутарх (*Romulus.* 20) говорит как о добавлении новых ста патрициев к прежним. Таким образом, *patres*, по данной версии, уже в начале царской эпохи — это не все римляне, а только отцы-сенаторы. Иными словами, *patricii* — производное от *patres*.

Но имеется в античной традиции и другая линия, представленная у Дионисия. Он приписывал Ромулу отделение знатных по роду, доблести, имуществу, у которых уже были дети, от безродных. Те и другие стали называться соответственно патрициями и плебеями (II.8). Заметим здесь, что столь раннее название плебеев в Риме противоречит точным данным традиции. Дионисий (II. 12; 57) говорит, что царь набрал сенат из патрициев. К этой линии традиции примыкает еще одна, идентифицирующая патрициев с ингенуями. В классической юридической литературе

⁴⁰ *Mannino. Op. cit.* P. 1—45.

ингенуями обозначаются свободнорожденные в отличие от вольноотпущенников (Gai. I.10; 11; D. I.5.5.2; Isid. Hisp. s.v.). Однако слово *ingenus* имеет еще одно значение — «туземный, автохтонный, местный». Это значение — более раннее. Ведь в обществе, сохраняющем общинные устои гентильного или соседского характера, каким был Рим царской эпохи, особое значение имело отношение человека к определенному родовому коллективу на определенной территории, что и обуславливало противопоставление свой — чужой. В таком архаическом обществе наиболее значимыми, наиболее заметными были различия между группами по принадлежности к образуемому государству — к той или иной формирующейся гражданской общине. Отрыв от складывающегося гражданского коллектива, изгойство влекло за собой тяжелые последствия. Доля изгнанника была не лучше рабской доли. На престижность понятия автохтонности в глубокой римской древности указывает сообщение Иоанна Лиды (De mens. IV.1), посвященное древнейшему римскому божеству: «Итак, нужно сказать о Янусе, кто он и что о нем думали древние. Лабеон говорит, что его именуют Янусом и Консивием, т. е. Советником, Янусом Ценулием, т. е. Пиршественным, Патрицием, т. е. Автохтонным». Значит Янус Патриций — это Янус Туземный. Это показывает автохтонность, исконность патрициев. Подчеркнем, что в таком же значении слово *ingenus* применительно к патрициям встречается не только у Иоанна Лиды. Так, Ливий (X.8.10) вкладывает в уста П. Деция Муса, предлагавшего допустить плебеев к понтификату и авгурату, слова о том, что первые патриции не с неба спустились, но были не кем иным, как ингенуями (т. е., как представляется, местными жителями). У Феста (p. 277) говорится: «...патрициями обычно называли тех, кто теперь зовется ингенуями». Скорее все-таки патрицианская принадлежность людей удостоверяла их истинную знатность, их местное происхождение. Если принять во внимание данные об автохтонности и древности патрицианского населения в Риме, то можно сказать, что версия Дионисия не стоит особняком, что ей близки данные, содержащиеся и у греческих, и у римских авторов-антикваров, и даже у Ливия. Приведенные сведения говорят о том, что *patres* происходили из патрициев, а не наоборот, как это представлено в первой версии.

Заметим еще, что в линии античной традиции, возводящей название патрициев к сенаторам, упоминается, что Ромул составил сенат из лучших людей (Cic. De rep. II.8.14; 12.23; Liv. I.8.7; Plut. Rom. 13; Sall. Cat. 6.6), притом имеющих детей, немолодых. Этимология термина *senatus* связывает сенаторов со старостью. Именно преимущество почтенного возраста и давало человеку право на участие в совете. Таким образом, «лучшие» люди в архаическом Риме — это не только состоятельные и доблестные (Dionys. II.8), но и просто пожилые, главы семейств. В принципе каждый *pater familias* некогда мог представлять в сенате свою родовую общину и, таким образом, все римляне были патрициями. Итак, принимая во внимание архаичность первоначального Рима, можно сказать, что и на первый взгляд такие различные версии античной традиции вовсе не противоречат друг другу. Знатность на уровне разлагающихся первобытно-общинных отношений могла пониматься по-разному.

Нельзя обойти уже упомянутый выше текст из «Институций» Юстиниана. Приведем фразу полностью: «Ведь названием народа (*populus*) обозначаются все (*universi*) граждане (*cives*), считая также патрициев и сенаторов; названием же плебса обозначаются прочие граждане без патрициев». Отсюда с безусловностью вытекает, что патриции и сенато-

ры — категории, не совпадающие друг с другом, причем патриции — более широкая группа, чем сенаторы. Заметим, что в императорское время в состав сенаторов входила знать, ведшая свое происхождение и от древних патрициев и от древних плебеев. Но это были уже знатные римляне, в равной степени отделенные от сословия плебеев. Принимая же во внимание жанр «Институций», можно думать, что цитированный текст служил цели пояснить старое значение терминов, уходящее в глубь веков. Строки из «Институций» (I.2.4) могут подкрепить ту версию традиции, согласно которой *patres* = *senatores* были верхушкой патрициев. Однако, несмотря на сложность и вариантность рассказов о древнейшем Риме, из сумерек преданий явственно проступает одно: положение сенатора выделяло его из массы *populus*, из массы патрициев уже в начале царской эпохи ⁴¹. Этот почтенный слой был еще непостоянным, так же как не было стабильным положение целых родов, среди них уже в те времена проследивается дифференциация ⁴². Постепенная стабилизация положения более знатных родов и укрепление в них знатных семей, претендовавших на членство в сенате, обособило к концу царского периода *patres* как верхушку *populus*, или патрициев. Можно думать в связи с этим, что устойчивое словоупотребление Ливия, именовавшего противоборствующую плебеям раннего Рима сторону не патрициями, а *patres*, не случайно. Главы семейств — реальные, а частично и потенциальные сенаторы — консолидировали свои силы и, упразднив царский строй, упрочили свое лидирующее положение в государстве. Из них избирались магистраты и комплектовался сенат. *Patres* были символом *populus*, состоявшего из их потомков и родичей, по большей части оттесняемых на второй план политической жизни. Естественно поэтому, что плебеи должны были воспринимать *patres* как олицетворение *populus*, хотя он в социальном отношении был дифференцированным. «Отцы» стали реальными распорядителями дел общества, составили верхушку *populus*. Более широким слоем, видимо, была та знатная часть народа, из которой выходили сенаторы, т. е. их родственники — собственно патриции. Наконец, ниже их стояла еще менее знатная часть *populus*, бедневшая, либо вымиравшая, либо опускавшаяся до уровня плебса. Количественное соотношение этих слоев *populus* вряд ли установимо. Но для плебеев *populus* выглядел единым целым, хозяином жизни.

Предлагаемый эскиз социальной картины начала Республики может объяснить, почему в трудах историков нового времени внутренняя борьба в раннем Риме именуется борьбой патрициев и плебеев. Точнее было бы именовать ее борьбой между плебеями и *populus*, преграждавшим плебсу пути проникновения в свою среду, что с проницательностью было замечено Ф. Энгельсом ⁴³.

С установлением в Риме республиканского строя именно *populus* стал носителем полных прав римского гражданства, т. е. *civitas*. Если же иметь в виду, что этот термин означает еще и коллектив полноправных граждан, можно сказать, что *populus* начала Республики совпадал (в этом значении слова) с патрициями. Плебеи же, оставаясь *cives* (Val. Max. IV.1), полной *civitas* не обладали и остро ощущали свое неравноправие. Красноречивым подтверждением этого служат жалобы плебеев на то, что их угнетают «граждане» (Liv. II.23.2). Таким образом, понятия *populus*

⁴¹ Маяк. Ук. соч. С. 159 сл.

⁴² Там же. С. 158.

⁴³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 125.

и *cives*, включая плебеев, на заре Римской республики по социальному содержанию не совпадали. Понятие *cives* было практически шире, чем понятие *populus*. Так развивалось соотношение между социальным содержанием терминов *populus* и *civitas*, *patres* и *cives*, *patres* и патриции, *populus* и *plebs* на протяжении времени с конца VI в. до начала IV в. до н. э.

Для достижения более адекватной картины нужно решить и ряд других важных вопросов, а именно — определить в современных научных терминах сословно-классовое значение *populus* и плебса на протяжении Ранней республики, а также выяснить, когда же термин «патриции» стал обозначать знатную элиту, разойдясь в значении со словом *populus*, которое сблизилось с термином *plebs*.

Предложенные здесь реконструкции не претендуют на окончательность выводов. Но, как кажется, они могут быть рабочей гипотезой, полезной для постижения исторической реальности раннего Рима.

'POPULUS' 'CIVES', AND 'PLEBS' IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE EARLY REPUBLIC

I. L. Mayak

Authors of antiquity used the word *civitas* in different senses at different times. The classical Roman *civitas*, an analogue of the Greek *polis*, was a civic community, i. e. a community-state. At the same time *civitas* presupposed full civic rights. The word occurs in narrative sources, but is not found in the Laws of the Twelve Tables, in which *cives* was mentioned. The latter term had appeared earlier, probably in the reign of Servius Tullius, with the emergence of the state. Before that the Romans had called themselves *populus*. Ever since Niebuhr a thesis has been held in historiography that original Roman people consisted of patricians, and that the plebeians were descended from conquered Latins resettled in Rome by Ancus Marcius. That view is contested today by an opinion vigorously advocated by J. C. Richard, who considers that the very old *populus* had been homogeneous but broken up by the fifth century B. C. into patricians and plebs.

It is worth noting that Greek writers referred to the party opposing the *plebs* as *πατριμοί* whereas Roman authors used *patres* in such cases, very seldom mentioning patricians. The antique tradition of the social structure of the early republic is complex and fragmentary. Nevertheless it seems that analysis of it favours Niebuhr's view: initially the *plebs* were really not part of the *populus* and did not vote in the curial assemblies. But after Servius Tullius they had formed the *cives* together with the *populus*. The concepts *civitas-populus* and *cives* thus did not coincide in social content in the early republic.

It is clear from studies of the terms denoting assemblies of the Roman people that assemblies *universi populi* (both in the sense of the patricians and in the later sense of patricians plus *plebs*) were called *comitia*, while assemblies of part of the people were known as *concilia*, *contiones*, and *coetus*.

The decisions of the *populus* were *leges* (νόμοι) and the decisions of some of the Romans *scita* (as follows from the definitions of *plebescita*. Festus' dictionary contained a definition of *populi scita* from the early republican epoch. Two versions can be suggested to fill the lacuna; both make it possible to confirm the identity of *populus* and the patricians, to infer that *scita populi* were equivalent to decisions of the curial *comitia* (in which the *plebs* did not vote), and to affirm that *patres* were not the whole of the original *populus*, or patriciate, but only their most active aristocratic elite.

These conclusions do not pretend to finality, but they do not contradict the traditional data about *patres-senatores*. According to one version it was their descendants

who were patricians; according to another, the senators themselves came from the ranks of the patricians, whom some writers of antiquity identified with *ingenui* or 'autochthones'. In both versions of the reconstruction of Festus' text suggested, the first of Romulus' *patres* were the best men, brave, virtuous, and well-to-do fathers of families, past their prime, and wise in experience. In a society that retained primitive communal principles, or survivals of them, venerable age was prestigious. Thus, at the beginning of the monarchy, all *patres familias* could in principle become *patres-senatores*. As the differentiation between and within the *gentes* was consolidated, a privileged stratum of families emerged from which the *patres* came. In the early republic this stratum had become stabilised and had begun to be taken by the *plebs* as a symbol of the *populus*, the patricians. The struggle of the plebeians against the *patres*, recorded in tradition, was therefore a struggle of the *plebs* against the *populus*.

It can be assumed from this study that *civitas*, *populus*, and the patricians were broader social categories than *patres* in the early republic. To make the picture of early republican society more precise, the social significance of *populus* and *plebs* needs to be defined in modern scientific terms, and the times when the patricians became an aristocratic elite, becoming divorced in the social sense from the *populus*, and when *populus* began to come closer in meaning to *plebs*, need to be clarified.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.С. БОГАТЫ